

Д.В. Драгун, аспирант

*Научный руководитель – Е.М. Ильина, кандидат политических наук, доцент
БГУ (Минск)*

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На современном этапе развития социума широкий размах обретают тенденции радикализации ислама и дальнейшей его трансформации в одну из форм религиозно-политического экстремизма – радикальный исламизм. Особую актуальность вопросы радикального исламизма приобретают в контексте очередного витка эскалации религиозно-мотивированного насилия на Ближнем Востоке, связанного в том числе с конфликтом палестинского исламистского движения ХАМАС и Израиля.

Предметом настоящего доклада выступают идейно-мотивационные и структурно-ситуационные аспекты функционирования «Исламского государства» (далее – ИГ) – салафитской международной экстремистской религиозно-политической организации, созданной в 2006 г. в качестве одного из филиалов Аль-Каиды в Ираке.

Социальный контекст появления ИГ – вызванная процессами глобализации разбалансированность общемирового развития, которая ведет к росту протестного потенциала жителей арабских государств. Непосредственной причиной радикализации широких слоев мусульманского населения Ближнего Востока, в первую очередь молодежи, является осознание ими глубокого разрыва в уровне собственного благосостояния по сравнению с развитыми странами «золотого миллиарда». Низкий экономический рост и стагнация экономической деятельности, высокий уровень коррупции, отсутствие «социальных лифтов» лишают пассионарные слои населения возможности найти свое место в жизни, что в силу недостаточного высокого уровня политической культуры приводит их к вступлению в радикальные организации салафитского толка, претендующие на реализацию насильственным путем традиционных для уммы представлений о справедливости.

Дополнительное воздействие оказывает и нестабильность общемирового политического процесса, связанная с кризисом однополярной системы миропорядка и ростом числа конфликтных взаимодействий между различными акторами, в том числе в регионе Ближнего Востока [1, с. 85–86].

В качестве цели ИГ заявляет создание халифата – теократического государства, объединяющего на основе шариатского права всю умму.

К тактическим задачам деятельности организации относятся:

1. Дестабилизация политических режимов исламских государств Ближнего Востока, подвергнутых деструктивному экзогенному воздействию стран Запада, для упрощения дальнейшей инкорпорации их территорий и населения в будущий халифат;

2. Ослабление геополитической роли Турции как регионального гегемона;

3. Установление контроля над нефтеносными районами Ближнего Востока для обеспечения халифата денежными и энергетическими ресурсами и провокации общемирового топливного кризиса;

4. Популяризация религиозно-политических идей радикального исламизма в мусульманских диаспорах западноевропейских стран [4, с. 37].

Идеологическая доктрина ИГ в полной мере воспроизводит «классические» положения радикального исламизма о такфире и джихаде [3, с. 94–95], обосновывая посредством ссылок на Коран и Сунну военные действия в первую очередь против единоверцев-суннитов, не придерживающихся салафитской трактовки ислама. В частности, рядом специально выпущенных фетв установлено, что мусульманину запрещено иметь публичные или частные сношения с «неверными»; в любой форме воспринимать интеллектуальные достижения, возникшие вне салафитского течения ислама; искать прямые или косвенные оправдания действий «неверных» или «отступников», под которыми понимаются режимы арабских государств, предоставивших свою территорию для военных сил США и стран Запада, а также подчиненные им улемы.

ИГ умело стимулирует и эксплуатирует межконфессиональную вражду, традиционную для народов Ближнего Востока, и использует ненависть общин друг к другу и религиозные концепции для рекрутирования новых членов и обоснования своих действий.

В 2011 г. с началом вооруженного конфликта в Сирии ИГ присоединилось к антиасадовской оппозиции, вступив в конфронтацию с правительственными силами и захватив провинцию Ракка, ставшую ядром будущего халифата.

В августе 2014 г. боевики ИГ начали интервенцию в Ирак, раздираемый религиозными конфликтами между суннитскими слоями населения и шиитским руководством страны, и захватили ряд крупных населенных пунктов, в том числе Мосул. Население занятых территорий, представлявшее собой амальгаму из курдов, мусульман-шиитов, езидов, христиан, подверглось репрессиям по этническому и конфессиональному признакам. Позже террористическая группировка провозгласила на захваченных

территориях «халифат», руководителем которого был объявлен Абу Бакр аль-Багдади.

С провозглашением «халифата» ИГ получило широкую поддержку от ряда салафитских групп вне Сирии и Ирака: «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар Байт аль-Макдис» в Египте, «Джунд аль-Хилафа» в Алжире, «Бригада Укба бин Нафи» в Тунисе, а также ряда радикальных исламистских организаций Северного Кавказа, Ливана, Ливии, которые официально поклялись верности аль-Багдади и получили статус филиалов («провинций») ИГ.

Широкомасштабные боевые действия и большая численность группировки требуют стабильного финансирования в большом объеме. В источниках финансирования ИГ можно выделить две группы:

1. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств-спонсоров; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также разнообразных террористических ячеек.

2. К источникам внутреннего финансирования следует причислить доходы, получаемые от добычи и продажи нефти; присвоения денежных средств при захвате банков и других финансовых учреждений; легального и нелегального бизнеса (работоторговля, торговля оружием, наркотиками и тому подобное), а также прочие доходы [2, с. 157–158].

Успехи ИГ сошли на нет к середине 2015 г., когда «халифат» ослаб в результате боевых действий на нескольких фронтах – с курдскими вооруженными силами при поддержке стран Запада, правительственными иракскими и сирийскими армиями при авиационной поддержке Воздушно-космических сил Российской Федерации. В результате продолжительных боевых действий к марту 2020 года на 98% территорий, входивших в состав «халифата», была восстановлена законная власть.

При этом, несмотря на военное поражение ИГ, его деятельность так и не была прекращена. По данным Международного рейтинга терроризма 2023 г., ИГ является абсолютным лидером по числу унесенных в результате терактов жизней: в вину организации вменяется около 2000 смертей, что составляет 27 % всех жертв терроризма в мире за 2022 г. [6].

Таким образом, первостепенным направлением деятельности ИГ выступает борьба со светскими и проявляющими недостаточную религиозность исламскими режимами в ближневосточных государствах. В качестве факторов успеха ИГ, позволивших вести полномасштабные боевые действия на нескольких направлениях, а после военного поражения сохранить возможности для продолжения террористической деятельности, можно назвать:

– поддержку широких слоев местного обедневшего суннитского населения, обеспечиваемую, с одной стороны, выстраивание образа ИГ как организации

пронародных религиозных революционеров и, с другой стороны, целенаправленными показательными актами насилия в отношении коренных жителей и иностранных заложников, которые тиражировались посредством сети Интернет [5, с. 121];

– идеологический «вакуум», возникший в радикально исламистской среде в результате ослабления «Аль-Каиды», что выступило благоприятным условием для привлечения в ИГ радикализированных кадров;

– найм в вооруженные силы ИГ ветеранов джихадистского движения, имеющих опыт ведения боевых действий и идеологической борьбы, в обязанности которых входит тактическое и стратегическое обеспечение действий ИГ, в том числе рекрутинговые функции;

– экономическую независимость организации, достигнутую в результате захвата ресурсоемких нефтеносных провинций Ирака.

Список источников

1. Вавилов, А. И. «Исламское государство»: идеология, структура, военно-политическая деятельность / А. И. Вавилов // Междунар. аналитика. – 2016. – № 3. – С. 85–96.

2. Добаев, И. П. «Исламское государство»: идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования / И. П. Добаев, А. И. Добаев // Гос. и муниципальное упр. Учен. записки. – 2017. – № 1. – С. 154–159.

3. Драгун, Д. В. Радикальный исламизм в дискурсе современного политического знания / Д. В. Драгун // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 2. – С. 92–98.

4. Тесленко, Е. С. Феномен «ИГИЛ» / Е. С. Тесленко, Н. Н. Пеструилова // Виктимология. – 2015. – № 1. – С. 34–39.

5. Юргенсмейер, М. «Ужас Мой пошлю пред тобою»: религиозное насилие в глобальном масштабе / М. Юргенсмейер ; пер. с англ. А. Зыгмонта. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 496 с.

6. 2023 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource] // Vision of Humanity. – 2023. – Mode of access: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-web-170423.pdf>. – Date of access: 05.11.2023.